

Арт Фонарь: Прицел. к «Архив. и факт» - 1995. - № 17-18 (сент.) - с. 5

Кто про что,

А В Т О Р А !

В н е т р а д и ц и й

а Мамлеев - про вампиров...

О том, о чем он пишет, не принято говорить и даже не принято думать. Знает об этом подкорка мозга. И при этом ей, бедной, страшно. А почитаешь, и все переползет в корку, и станет она не просто арбузной коркой, а коркой, прочувствовавшей и более осмысленной. Нелишне. «Да ну эти ваши гадости новомодные, - отмахиваются игроки в бисер нафталинового образца, - это засоряет, это нас оскверняет, это просто противно читать». Ну не читайте. Разберитесь в подкорке своей сами, она замучена цивилизацией, она задушена тотемом и табу, она лишь изредка показывает вам видения - типа похода на родного мужа с ножом в руке. Ну честнее с собой, честнее. Много чего в человеке интересного, разного, и не только благие порывы, порывы всякие. Порывы надо знать в лицо.

Юрий Витальевич, почему своим творческим орудием вы выбрали момент психологической аномальности?

- Ну потом, в более поздний период, я немного отошел от этого, появились другие задачи. А в 60-х годах психологические и психопатологические слабости человека позволяли проникать в самые скрытые, в том числе и от самого себя, бездны, провалы человеческой души. Как Достоевский использовал криминалистику, потому что преступление - это тоже аномальная ситуация. То есть Достоевский использовал криминальную ситуацию для метафизической цели. В душе, которая на грани, потенциальные язвы обнажены больше, чем у человека в нормальном состоянии. Хотя человек в нормальном состоянии их тоже имеет. Я описываю человека в пограничном состоянии, а не человека сумасшедшего. Свой метод я называю ни в коем случае не постмодернистским методом, а методом метафизического реализма.

Что и как пишет Юрий Мамлеев, ни в сказке сказать, ни пером описать невозможно. Можно только цитировать и испытывать ощущения. Если сил хватит, или если вы маньяк, или если вы скрытый маньяк, или если вы тонко чувствующий человек, или если вы хотите знать, куда пошла литература по дорогам, протопанным нашими классиками. Вот с детства говорят, что читать - это тоже работа, но если вы не верите, то прочтите Мамлеева и удостоверьтесь. Пишет Юрий Витальевич языком реалистичным, не то чтобы тяжело было читать его формалистские изыски, их просто нет, - тяжело испытывать ощущения, предложенные им.

«Еще его пугала та страшная близость животных к человеку. Всматриваясь в глаза этих тварей, он искал в них ту силу, которая перебросила или может перебросить мост между животностью и сознанием. ...То вставал на четвереньки и, приближая свое лицо к собачьей морде, мысленно обнюхивал животные глаза и, главное, то, что за ними скрыто. Правда, иногда он не выдерживал и начинал кусать Джурку или бегать за ней на четвереньках, ломая лопухи...»

А случалось ли вам выслушивать упреки в эпатаже и желании оскорбить общественную нравственность?

- Да-да, конечно, это дело обычное. Это в литературе повторяется очень часто. Невинное, с нашей точки зрения, произведение, такое, как «Мадам Бовари», вызвало в свое время чуть ли не судебное разбирательство. В этом отношении русская цензура была гораздо лояльнее - можно было опубликовать такие романы, как «Идиот», «Братья Карамазовы».

Обо мне ходило много мифов и легенд. Вот у меня есть рассказ о вампирах. Так вот, говорили, что если он может писать о вампирах - значит, он сам вампир. Наш круг, наше общество в Южинском переулке (оно описано в моем романе «Московский гамбит») - это было что-то шокирующее и неожиданное. Мы собирались, пили водку, целыми ночами читали. Да ничего особенного в этом не было, но с точки зрения советского обывателя это было что-то жуткое. Коммунальная квартира, где по ночам собираются люди, читают непонятную литературу при свечах, по стенам висят какие-то сюрреалистические картины!

«...Иногда мертвец заходил в библиотеку или разговаривал с девочками. Он был весь во власти какого-то бесконечного отсутствия и реальности небытия, насколько это можно себе представить. Девочки не могли с ним долго беседовать: казалось, он дул им в рот небытие. Они капризничали и плакали. Но он никак не мог понять, живут они или нет».

Вы вернулись в Россию после довольно долгих лет эмиграции. По вашему мнению, нашли ваши книги аудиторию в России?

- Да, они нашли аудиторию. И я это знал.

Я живу и здесь, и на Западе, книги только начали издаваться, и при этом читатель нашелся гораздо быстрее, чем я предполагал. Я сам с большим удивлением обнаружил, что у меня высокий читательский рейтинг по опросам.

Мне рассказывали, что моя первая книга попала на Сходню, в киоск «Союзпечати», рядом с пивной. Люди приходили, спрашивали: «Есть ли Мамлеев?», пили пиво и читали рассказы.

Я знаю, что мои рассказы печатались в самых разных изданиях, и правых и левых, без различия в политических ориентирах. Еще более отраднo, что мне рассказывали о совершенно простых людях, которые читают мои произведения, книги принимаются молодежью. Видно, здесь действует один архетип мышления. Здесь я нахожу полный отклик, аудиторию, друзей.

«...Взял я тогда с собой в ванную вместо гитары ржавый столовый прибор и решил самого себя съесть. Я ведь иной раз бываю религиозный. Что ж - думаю - кур жрем, а до себя не дотрагиваемся. Не ладно

это, Иван Пантелеевич. Дело было к вечеру, тихо везде, спокойно, даже птички щебетают перестали. Им-то что, птичкам.

Они себя не едят. Потому как нет у них разума. ...Так вот, помню, разлегся я тогда в сухой ванне, нож о зубы свои как следовало поточил...»

В ряд каких писателей вы поставили бы себя?

- Мне нравятся совершенно разные писатели - постмодернисты и реалисты. Я назвал бы Ницу Сакур, здесь есть явные параллели. В некоторых местах мне близок Виктор Пелевин.

Вы говорили, что существуют двери, которые человеку нельзя открывать. Считаете ли вы, что существуют вопросы, которых человеку нельзя касаться в творчестве?

- Я считаю, что человеку духовно очень много дано. И вместе с тем человек - чрезвычайно сложное существо. Церковь учила, что в человеке есть и божественная сторона, но очень сильна и сторона зла. Но вообще, человек в духовной иерархии космоса занимает очень высокое место. И в том положении, в котором сейчас находится человечество, для большинства людей основой является

сы духовная и психологическая стабильность. То есть каждый должен взять то, что он может взять на себя, свой груз. И действительно, существуют двери, в которые обычному человеку лучше не идти.

Но есть и другие люди: не их преимущество, а их особенность - тяга познавать непознаваемое. И если это действительно их внутренняя потребность - то это их право. И по-

скольку существуют разные психологические типы и для каждого из них - духовные нормы, религии, то нужно быть очень осторожным в этом отношении. Здесь важно придерживаться того, что в православной религии называется трезвостью. В любом путешествии такого рода нужно быть очень осторожным и не забывать опору на фундамент традиционной религии.

Лариса ВИННИК

Р. С. В начале осени выходит очередное издание романа «Шатуны». По мнению критиков, это самый яркий роман писателя.